

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Карлос де Куэто Ногерас

С роспуском Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи политический центр в Европе переместился на Запад. В Европе сложилась своеобразная ситуация, когда страны Центральной и Восточной Европы своим огромным желанием войти в Европейский союз дестабилизируют его внутреннее положение. С другой стороны, перенос западной модели подрывает стабильность стран Центральной Европы. В то время как Восток хочет интегрироваться с Западом, Юг подвергается риску исчезновения. После падения Берлинской стены страны Центральной и Восточной Европы, пережив жестокую шоковую терапию, с целью облегчения переходного периода надеялись побыстрее вступить в экономический клуб Европы. В связи с этим страны — члены ЕС начали пересмотр процесса интеграции, смещая при этом приоритеты сообщества в пользу национальных интересов. Если в Центральной Европе экономический и социальный процесс, вызванный трансформацией, привел к усилению этнонационализма, то в Западной Европе страх перед экономическим спадом и социальной безработицей привел к заключению Договора о Европейском союзе и к Амстердамскому договору.

Западная Европа после первоначальной всеобщей эйфории в связи с падением коммунизма остается закрытой, сосредоточенной на своих внутренних проблемах, не проявляет должного внимания к странам Центральной и Восточной Европы и ставит под угрозу политическую, экономическую и социальную стабильность этих государств, тормозит возникновение в этой части Европы региональных рынков. Движение, направленное вовнутрь, на углубление интеграционных процессов внутри Европейского союза, нашло свое конкретное выражение в объединении Германии в октябре 1990 г., в Договоре о создании Европейского экономического пространства, подписанном 2 мая 1991 г., во введении единого рынка в 1992 г., в ратификации Договора о ЕС, в переговорах по Амстердамскому договору, в процессах по введению единой денежной системы и, наконец, в реформах Программы 2000. Это движение вовнутрь стало серьезным препятствием для расширения ЕС.

В странах ЕС господствует мнение о том, что, несмотря на моральную и политическую обязанность принять в ЕС бывшие коммунистические страны, необходимо прежде всего привести в порядок собственный европейский дом, ускорить те глубокие внутренние интеграционные процессы, которые попыталась осуществить учредительная реформа, одобренная Межправительственной конференцией в 1996 г. Официальной целью этой реформы является защита достижений Союза и предупреждение ослабления сообщества, превращения его в простую зону свободной торговли перед роковыми и разорительными последствиями, которые может иметь быстрое расширение ЕС для внутреннего рынка, для социальных, политических и экономических стандартов Европы. Такой непрофессиональный подход привел к созданию образа ЕС как осажденной

крепости, потерявшей прошлый образ своего гостеприимства. Но Европа не будет ни стабильной, ни мирной, если ЕС не выполнит обязательств по объединению Европы в демократическую систему с рыночной экономикой. Ее моральный авторитет будет поставлен под сомнение.

Сдерживающим фактором расширения Союза является широкий перечень условий, выдвинутых ЕС для допуска стран Центральной и Восточной Европы в клуб кандидатов для вступления. На проходившем в Копенгагене в 1993 г. заседании Европейского Совета было отмечено, что кандидатами смогут стать только те страны, которые будут соответствовать необходимым экономическим и политическим условиям. При этом, чтобы освободить Комиссию или Совет от определенных обязательств, сроки вступления не оговаривались. Уже в Договоре о Европейском союзе отмечено, что для вступления в Союз нужно быть европейским демократическим государством с рыночной экономикой, в полной мере использующим возможности европейского рынка, признавать 40-летнее наследие сообщества. Основы стратегии предварительного принятия стран Центральной и Восточной Европы в ЕС определялись “Белой книгой” Европейской комиссии, которая была разработана на Совещании Европейского Совета в Эссене (декабрь 1994 г.) и принята на Совещании Европейского Совета в Каннах (июнь 1995 г.). Она сформировала условия сближения и предусмотрела сначала вхождение стран Центральной и Восточной Европы в ЕС на правах ассоциированного членства и только затем переход в статус полноправных членов. Этот документ стал большим препятствием для интеграционного процесса. Требования присоединения к европейскому законодательству, ускорения процесса экономических реформ при соблюдении охраны окружающей среды, создания новых рабочих мест, повышения уровня жизни, создания гарантий поддержания схожих условий экономик стран-членов и стран-кандидатов с тем, чтобы избежать ненужной конкуренции, массовой миграции, — все это превратилось в еще одно труднопреодолимое препятствие на пути вхождения стран Центральной и Восточной Европы в ЕС. В этой связи необходимо упомянуть и о Плате стабильности в Европе, выдвинутом французским премьер-министром Балладюром в марте 1995 г., направленном на признание неприкосновенности современных границ и уважение прав национальных меньшинств в странах, желающих стать членами ЕС.

По сути, выдвинутые условия имели своей целью отсрочить вхождение стран Центральной и Восточной Европы в ЕС и выиграть время для того, чтобы страны — члены ЕС адаптировались и приготовились к расширению на Восток. Это подтверждается отсутствием сроков вступления, отсутствием дифференциации в подходе к странам-кандидатам, отсутствием дебатов внутри ЕС о последствиях расширения для таких ключевых сфер, как Европейская аграрная политика (ЕАП).

Карлос де Куэто Ногерас — профессор Университета Гранады (Испания)

В качестве другого серьезного фактора "сдерживания" нужно назвать решение ЕС об индивидуальном подходе к странам-кандидатам при вступлении в ЕС, так как это условие также позволяет отодвинуть этот процесс на более длительную перспективу. Так, в уже упомянутой "Белой книге" наряду с изложением требований по гармонизации учредительных, юридических и административных обязательств, выполнение которых необходимо для вступления в ЕС, было включено положение о том, что прием в Союз будет осуществляться в зависимости от выполнения каждой страной политических и экономических условий, а не приемом "блоком", как это предусматривалось ранее. Отмеченное решение ЕС способствовало тому, что страны ЦВЕ вступили в стремительную гонку по согласованию своих законодательств с законодательством сообщества. Этот бег к желаемой цели с препятствиями и жестокой индивидуальной конкуренцией между странами-соискателями практически парализовал усилия, направленные на расширение регионального экономического и торгового сотрудничества, развитие двусторонних отношений между государствами Центральной и Восточной Европы. Отсутствие сотрудничества между соискателями, несомненно, носит отрицательный характер. В частности, это привело в последние годы к значительному увеличению давления этих стран на западные стратегические, финансовые, политические и экономические центры. Каждая страна-кандидат пытается идти своей собственной дорогой, не используя межрегиональное сотрудничество для ускорения процесса.

Одновременно с обнадеживающими высказываниями политической элиты ЕС в защиту нерушимости проекта расширения постоянно поднимается вопрос о размерах расходов и негативных последствиях расширения ЕС на Восток. Существуют опасения по поводу того, что обострится налоговое бремя, усилятся проблемы конкуренции, денежная нестабильность и торговые трудности, будут развиваться институциональная несбалансированность и неэффективность в принятии решений большинством, поиски коалиций и ведение закулисных переговоров. Озвучиваются мрачные прогнозы относительно перемещения людской лавины в более богатые страны ЕС, огромных финансовых расходов, которые потребуются для новых восточных кандидатов при включении их в такие общие программы, как ЕАП или Европейские структурные фонды.

Краткосрочные частные и национальные интересы государств-членов приводят к отрицанию любой идеи перераспределения своих фондов и помощи более бедным кандидатам, к усилению требований более длительного переходного периода, или, другими словами, системы поэтапного присоединения. Такими же абсурдными являются и подходы, которые игнорируют возможности экономического развития, связанные с открытием общеевропейского рынка для стран Центральной и Восточной Европы, использования экспорта и инвестиций ЕС. Критикуя эти подходы в целом, нужно признать, что расширение ЕС может привести к краткосрочному разрушению рынка труда в "чувствительных" сферах.

Существует мнение, что расширение ЕС на Восток приведет к созданию неуправляемого содружества, что поставит под угрозу внутреннее единство Союза и приведет к преждевременной глубокой внутренней реформе.

Чтобы понять различные аспекты расширения ЕС, следует использовать для анализа торговые соглашения ЕС со странами Центральной и Восточной Европы, в частности Договор о сотрудничестве и двусторонние европейские договоры, подписанные на Совещании Европейского Совета в Дублине (июнь 1990 г.), заявления о политической, аграрной реформах Союза, реформах структурной и бюджетно-финансовой систем ЕС.

Соглашения, подписанные с Польшей, Венгрией и Чехословакией 16 декабря 1991 г., с Румынией и Болгарией весной 1993 г., которые вошли в силу в 1994 г., хотя и были направлены на облегчение процедуры вхождения в союзный экспортный рынок, на развитие свободного товарообмена, на промышленное, техническое и научное сотрудничество, на развитие политического диалога между ЕС и странами Центральной и Восточной Европы с целью их окончательного присоединения к Европейскому союзу, по различным причинам носили ограниченный характер. Во-первых, из-за временного исключения традиционных "чувствительных" секторов, где страны Центральной и Восточной Европы являются конкурентоспособными (сельское хозяйство, уголь, черная металлургия, текстильная промышленность и т. д.); во-вторых, из-за отмены таможенной пошлины, в частности на изделия обрабатывающей промышленности в "чувствительных" секторах; в-третьих, для стимулирования тенденции исключительной ориентации внешней торговли стран Центральной и Восточной Европы на ЕС; в-четвертых, из-за явной асимметрии в пользу ЕС торговых отношений Восток-Запад как по объему потоков, так и по конечному балансу. *Разрушение государственной монополии на внешнюю торговлю и радикальная торговая либерализация в странах Центральной и Восточной Европы наряду со всевозрастающим западным протекционизмом привели к головокружительному увеличению импорта и к ухудшению сбалансированности платежей в пользу ЕС.* В-пятых, из заключенных соглашений исключено свободное перемещение лиц, в то время как ЕС до настоящего времени извлекает выгоду из свободного перемещения капитала, услуг и товаров. Шестой причиной является то, что заключенные соглашения наряду с требованием немедленных жестких структурных реформ, таких, как массовая приватизация общественной собственности, либерализация финансовых рынков, независимость центральных банков, создание рынка ценных бумаг, упорядочение банковско-коммерческого сектора и центральных систем экономического управления, предполагали и проведение типичных для развитых стран структурных реформ борьбы с безработицей, создание частного рынка труда, введение контрактов на частичную занятость, регулирование и сокращение затрат на рабочую силу, которые с большими предосторожностями осуществляются в самой Западной Европе. Кроме того, во время подписания союзных торговых соглашений от кандидатов потребовали обязательств по развитию совместных предприятий, по защите доходов владельцев. Выдвинув столь жесткие условия, Западная Европа попыталась спасти свою честь созданием системы оказания помощи, которая в большей степени в конце концов оказалась выгодной для самих дарителей. Таким образом, уже в 1990 г., когда начались переговоры по выработке соглашений с ЕС, страны Центральной и Восточной Европы начали понимать, что эта система очень похожа на СЭВ: джунг-

ли квот (налогов, взносов) и множество деталей, из-за которых не просматривается столь ожидаемый План Маршалла II.

Еще в июне 1997 г. был разработан рабочий документ "Программа 2000". Под председательством в ЕС Германии в первой половине 1999 г. шло активное обсуждение проекта.

На протяжении всего процесса обсуждения программы как никогда стали очевидными разные подходы к интеграции, часто строящиеся на эгоистических национальных интересах. Во время работы над "Программой 2000" велась беспощадная борьба между богатыми и бедными странами, между налогоплательщиками и "чистыми приемщиками", между англичанами и представителями континента, между промышленниками и аграриями, между супернационалистами и межправительственными силами и т. д. Эти противоречия грозили взорвать принципы внутренней солидарности в ЕС.

В центр этого противостояния нужно было бы поставить Европейскую комиссию вместе с так называемой "бандой четырех" — четырьмя самыми богатыми странами, которые вносят самые большие налоги в европейский бюджет, — Германией, Австрией, Швецией и Голландией. Эти страны, начиная с неформальной сессии ECOFIN, проходившей в английском городе Йорке 21 марта 1998 г., а также сессии 6 июля 1998 г., решили оказать давление на европейские структуры и потребовать, чтобы на них распространялся корректирующий механизм возврата, подобный британскому чеку, полученному М. Тэтчер в 1985 г. (Соглашение в г. Фонтенбло). Это "тэтчеровское" требование о справедливой компенсации, связанное с переводом финансовых средств в самые богатые страны Союза, имело своей целью пересмотреть взносы этих государств в пересчете на итоговое сальдо и покончить с несправедливостью дисбаланса их взносов в сейфы сообщества, даже если это и подточит принципы внутреннего единства. Для преодоления этого противоречия рассматривалось несколько возможностей.

Первый путь основывался на идее исключения восточных стран из фондов Союза. Он был предложен премьер-министром Испании Фелипе Гонсалесом на Советании в Эдинбурге в 1992 г. и принимал во внимание то, что целью этих фондов является облегчение участия в Европейском валютном союзе (ЕВС). Эта идея звучала в рабочем документе Комиссии, опубликованном 18 марта 1998 г. Она защищала не только сокращение структурной помощи, но и замораживание фондов Союза с целью сконцентрировать инвестиции в конкретных географических районах и зонах, сократив число людей, пользующихся субсидиями, и децентрализовав администрацию. Однако в конечном счете на Совете по общим делам 6 декабря 1998 г. обслуживание фонда, включая страны евро, была вынуждена взять на себя Германия, хотя и с условием его поэтапного претворения до 2006 г.

Второе предложение, поддержанное Комиссией, касается ее проекта реформы системы финансирования ЕС от 7 июля 1998 г. Предложение предполагало возможность софинансирования Европейской аграрной политики ("Программа 2000") со стороны национальных государств в объеме 25 %. Национальные государства должны финансировать прямую помощь сельскому хозяйству, что стоило бы, к примеру, Ис-

пании 90 млрд песет, в то время как ЕС будет поддерживать финансирование расходов по регулированию рыночных цен.

Этот проект предполагал не только частичную национализацию финансовой системы политики сообщества, но и то, чтобы именно самые бедные страны с большим числом земледельцев взяли на себя оплату, необходимую для бюджетного равновесия богатых северян. Предложение было отклонено в основном из-за отказа со стороны Франции, прозвучавшего из уст ее премьер-министра Леонелла Жоспена 13 декабря 1998 г.

Третье предложение, выдвинутое группой стран ЕС, лидером которых на этот раз было британское правительство, связано с реформой фондов занятости. Так, на Советании Европейского социального фонда с участием 15 министров труда, проходившем 26 мая 1998 г. в г. Бирмингеме, комиссаром по труду П. Флинном защищалась идея реформирования ЕФСП, главного инструмента улучшения возможностей занятости трудящихся и борьбы с безработицей. Она предполагала изменить критерии распределения так называемой Цели № 3 ЕФСП, которая направлена против длительной безработицы, сократить поступление помощи в районы, которые уже получают помощь по Цели № 1 (районы с доходами менее 75 % от среднеевропейского уровня, среди которых находится большинство региональных автономий Испании).

Четвертое предложение, исходившее впервые от Австрии на Советании ECOFIN в Брюсселе 23 ноября 1998 г., при нежизнеспособности предыдущих, хотя и формулировалось как необходимость стабилизации, на самом деле требовало сокращения общих расходов сообщества на период 2000—2006 гг., в основном по сельскому хозяйству и реструктуризации. Такое решение предполагало для Испании, например, согласно первоначальным цифрам, недополучение чистых перечислений на 2 млрд песет за отмеченный период. Это предложение натолкнулось на отрицательную реакцию Ирландии, Португалии, Испании и Греции, а также Италии, которые считали, что такое сокращение находится в противоречии с "новым всеобщим экономическим поворотом" в пользу прироста и увеличения рабочих мест. Об этом уже договорились социалистические лидеры Европы несколькими месяцами ранее (восстановление великих проектов трансевропейских и энергетических сетей, намеченных в "Белой книге").

Богатым странам, лидирующим в Европейской комиссии, противостоит блок стран Средиземноморья, лидером которых является Испания и в который входят Португалия, Ирландия, Греция и в определенной степени Италия. Этот блок активно поддерживается Европейским парламентом. Однако одно дело препятствовать тому, чтобы именно страны-кандидаты оплачивали несбалансированные налоги, от которых страдают определенные страны Союза, и совсем другое — укрываться за щитом абсолютного принципа единства и внутренней солидарности Союза, рассматривая его как право, приобретенное в результате европейского строительства, чтобы замедлить процесс расширения и уменьшить возможные потери привилегированных позиций, достигнутых в последние десятилетия. Необходимо осознать и принять тот факт, что, когда состоится расширение ЕС, автоматическое падение среднего дохода сообщества приведет к увеличению проблем во многих регионах, которые в настоящее время получают структурную помощь сообщества.

Внутренняя конфронтация ЕС означает следующее. Во-первых, следует отметить, что она способствовала возрождению национализма в Европе, повышению роли суверенитета национального государства по сравнению с европейской суперцентрализацией, заставила затормозить процесс интеграции в пользу поддержания разнообразия политических, культурных и региональных традиций, сохранения местных, региональных или национальных особенностей, усилила расхождения среди стран-членов с эгоистическими европейскими взглядами. Разногласия по поводу интеграционных процессов привели к неизбежному кризису европейского строительства, которое растворилось в атмосфере нерешительности и маразма, когда все делается для того, чтобы избежать вопросов расширения из-за страха перед политическими и экономическими лишениями. Во-вторых, одновременное углубление и расширение ЕС без дополнительных фондов, с постоянно сокращающимся бюджетом означает, что ЕС все меньше и меньше сможет помогать странам или регионам, переживающим шок, который наверняка будет повторяться тем чаще, чем дальше Европа будет продвигаться к специализации производства. Об этом свидетельствуют некоторые факты, например, бюджетная и финансовая суровость, навязанная критериями допуска к евро, принятие Пакта стабильности в ECOFIN (21—22 марта 1998 г., г. Йорк), выдвинутого немецким министром финансов Т. Вейгелем и предполагающего ужесточение условий содержания в зоне евро с целью поддержки строгого бюджета. Кроме того, реформа финансовой и бюджетной системы на ближайшие 7 лет имеет своей аксиомой удерживать финансовые ресурсы на уровне 1,27 % ВВП, о чем было заявлено в "Программе 2000" и позже ратифицировано канцлером Г. Шредером на Европейском совещании 4 декабря 1998 г. Именно здесь утверждалось, что благодаря строгой финансовой дисциплине и реформам в ЕАП и структурных фондах расширение не увеличит расходы, а, наоборот, уменьшит их за счет высвобожденных ресурсов. Наконец, это подтверждается требованием богатых стран о коррекции механизма несбалансированных взносов.

Такая позиция жестко критикуется президентом Европарламента испанцем Хилем Роблесом, который подчеркнул, что невозможно сделать большую Европу с маленьким бюджетом. Европарламент встал на защиту бедных стран, что показали голосования 18 июня и 19 ноября 1998 г. в пользу сохранения фонда Союза на период 2000—2006 гг. для стран с доходом ниже 90 % от среднеевропейского. В качестве протеста против сурового финансового режима, который приведет в ближайшем семилетии к сокращению национальных взносов в европейский бюджет с 1,15 % ВВП в 1999 г. до 0,97 % в 2006 г., Парламентская бюджетная комиссия 30 марта 1999 г. угрожала наложить вето на Берлинский финансовый договор, который должен был быть утвержден на заседании в мае 1999 г. (что приводило к отсрочке бюджета 1999 г. и к увеличению расходов на 7 млрд евро).

В конце концов, путем предварительных переговоров, Совещание Европейского Совета в Берлине в марте 1999 г. проголосовало за отмену идеи корректирующего механизма несбалансированности больших взносов в бюджет, имея в качестве цели отстоять идею стабилизации расходов главных программ сообщества. Что касается ЕАП, необходимо упомянуть, что именно Еврокомиссия в продолжение реформы 1992 г. предло-

жила не только более низкие гарантированные цены, но и концепцию помощи нуждающимся регионам (Цель № 1). Эта политика была в целом поддержана Европарламентом 1 октября 1998 г. Лишь французские представители отстаивали идею сокращения расходов на аграрную политику из бюджета ЕС, мотивируя это необходимостью спасения от кризиса и дискуссией о финансовой реформе ЕС. Представленный Парламентской бюджетной комиссией доклад профессора Паоло Сечини на заседании 9 декабря 1998 г. защищал тезис о сокращении на 50 % расходов ЕС на сельское хозяйство с тем, чтобы государства-члены самостоятельно финансировали недостающую половину, а высвобожденные ресурсы направлялись на другие статьи бюджета.

Весь этот конфликт между странами по поводу новой системы бюджетного финансирования, аграрной и структурной политики, эти расходящиеся интеграционные концепции являются результатом отсутствия нового общего европейского проекта и тормозят расширение, что и продемонстрировало двустороннее Совещание ЕС и стран-кандидатов 10 ноября 1998 г. в Брюсселе, проведенное после официального объявления о начале формальных переговоров о расширении на Восток (31 марта 1998 г.). Это уже не просто трудности, с которыми сталкиваются страны-кандидаты при выполнении условий присоединения, это — риск провала расширения из-за неспособности ЕС и его стран-членов преодолеть проблемы расширения, что и отметили главы правительств Франции и Германии на двустороннем Совещании в Потсдаме 1 декабря 1998 г.

Ошибочно думать, что цель большой Европы сводится к решению огромной технической, административной или чисто системной задачи. Ей нужны новые талантливые идеи, новые институты, новые законодательные нормы и новый порядок. Низкие зарплаты и близость стран Центральной и Восточной Европы к сердцу Европы не являются гарантом успеха в процессе сближения уровней жизни европейских партнеров. Необходимо наличие западной финансовой поддержки платежного баланса, денежной стабильности, расчетов между предприятиями, поддержки технологической оснащенности, открытого режима западных рынков и интеграции в ЕС. Открытие на Восток является самым большим вызовом для Европы.

В качестве четвертой проблемы хотелось бы отметить то, что ЕС предложил на ближайшие годы слишком перегруженную задачами программу, что ставит под угрозу проект расширения на Восток. Единая денежная единица, переговоры о финансовых перспективах ближайшего европейского бюджета 2000—2006 гг., реформа направлений общей политики в областях ЕАП, Структурных фондов, институциональной реформы и т. д., связанная с проблемами баланса и законности существующих демократий, могут привести либо к провалу расширения, либо к застою, либо к отсрочке обязательств, требующих одобрения европейской интеграционной модели, которая в данный момент отсутствует, или приведет это расширение, обеспеченное из-за бесконечных переходных периодов, к малоэффективному политическому жесту.

В этом смысле европейская внутренняя озабоченность очень ярко проявилась серией европейских безрезультатных совещаний, целью которых были лишь внутренние вопросы. Это доказывает эгоистичность европейского видения, что может привести проект рас-

ширения к неминуемому упадку. Вопросы расширения стараются избегать из-за боязни экономических и политических лишений. Начальная эйфория по поводу падения системы блоков и прекращения угрозы "холодной войны" в самом центре Европы в пользу настоящего глобального и целостного европейского проекта превратилась в боязнь перед неуправляемой Европой в политическом плане, во внутреннюю стерильность, когда явно просматривается борьба корпоративного эгоизма и удивительная историческая слепота. Все это наводит на мысль о том, что расширение будет вращаться вокруг расходов, вокруг планируемой прибыли, вокруг взаимных расчетов, так как решения государств зависят от баланса расход-доход.

Европейское сообщество, планируемое как динамичная и гибкая организация, не было создано как таковое. Оно лишь положило начало процессу европейской интеграции, перспектива которой заключалась в расширении Союза. Нужно подчеркнуть, что слабость Союза — это его постоянная неспособность сказать "нет" длинному списку кандидатов (государства Вышеградской четверки, Балтийские страны, Турция, Мальта, Кипр, бывшие республики Югославии, Албания, Румыния, Болгария и т. д.). Любое планирование расширения — это сложное упражнение. В любом случае, экономическое и политическое будущее Европы заметно отличается от того, каким оно представлялось 10 лет тому назад. Для того, чтобы расширение стало возможным, для обеспечения финансовых нужд населения необходимо проведение таких важных мер, как институциональная реформа, реформа структурных фондов и фондов финансирования, а также преодоление планки явно недостаточного европейского бюджета в 1,27 % европейского ВВП.

В этом направлении следовало бы предложить целый ряд новых идей. Первая состоит в том, что само расширение нужно рассматривать с точки зрения различных перспектив для стран-членов и для стран-кандидатов. Богатые страны-члены рассматривают его как способ для укрепления своего экономического потенциала на мировом уровне, бедные — как угрозу своему положению или привилегированному статусу внутри современного ЕС. Кандидаты рассматривают процесс расширения как универсальную панацею, которая решит их экономические проблемы, как основу для укрепления своей демократической стабильности и как гарантию скорейшей защиты под крылом сильного экономического и политического сообщества. Федералы рассматривают его как форму для облегчения процесса интеграции и превращения ЕС в простой межправительственный организм свободной торговли, а федералисты — как угрозу на пути продвижения к процессу углубления политического союза, и т. д. Учитывая многочисленные просьбы о присоединении к ЕС с севера, юга и востока Европы, а также необходимость поддержания стабильности и процветания как внутри, так и вне границ ЕС, Союз должен усилить свое внутреннее политическое, экономическое и культурное единство, стать базовым сообществом цивилизации, развития и благополучия.

Вторым важным моментом для понимания приоритетов является то, на каких условиях кандидаты станут частью общего европейского проекта. Их вхождение не должно носить чисто экономические и торговые интересы, как это произошло с Великобританией и Данией

в 70-е гг. Оно не должно исходить из намерений получить свою долю власти для участия в распределении наследия сообщества и иметь более сильный голос в международных институтах. Вхождение новых стран, как это было с Испанией, Португалией и Грецией, должно сопровождаться мерами предосторожности, гарантиями экономического существования, политической стабильности для окончательного укрепления своего возвращения к тысячелетним традициям демократического строительства и модернизации своих экономик, укрепления социального благополучия и т. д. В случае с северянами ЕС имел все выгоды, так как вступившие страны, будучи платежеспособным блоком, значительно продвигали вперед проект географического, экономического, социального и политического объединения. Когда настанет очередь стран Центральной и Восточной Европы, условия также будут выгодными для ЕС и его членов, так как странам Центральной и Восточной Европы придется принимать любые условия, как это было с Испанией в таких жизненно важных для ее экономики секторах, как сельское хозяйство и рыболовство.

Препятствия, созданные Союзом и его членами для процесса расширения, и до сегодняшнего дня являющиеся плодом экономических и бюджетных противоречий, позволяют сделать вывод об искаженности модели строительства. Договор ЕС наметил не только принципы, но и конечный результат процесса европейской интеграции. После трансформации мировой политической карты и открытия бывших коммунистических восточных государств требовался решительный ответ от Европы. Однако экономический кризис, снижение конкурентоспособности и отсутствие внутреннего единства в Союзе развили опасную парализующую безынициативность, угрожающую появлением враждебности к ЕС. Трагические события в бывшей Югославии вызывают сомнения в необратимости процесса расширения ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы.

Как только состоялось воссоединение Германии в 1990 г., как только началось четвертое расширение на север и Австрию в январе 1995 г., как только началось председательствование Германии в Союзе, необходимо было дать старт для присоединения стран Центральной и Восточной Европы к ЕС через официальное заявление о присоединении к ЕС. Через 5 лет после падения Берлинской стены быть просто приглашенными на церемонию закрытия Совещания в Эссене или получить приглашение для руководителей государств и правительств и их министров иностранных дел на встречу между странами Центральной и Восточной Европы и ЕС под названием "структурный диалог", проходящую параллельно Совещанию Европейского Совета в Каннах в 1995 г., — это далеко не то, чего ожидали страны Центральной и Восточной Европы. Они хотят непосредственно участвовать в процессе экономического и политического строительства XXI в., а не находиться на галерке, как пассивные наблюдатели.

Народное недовольство во Франции планом Жюпе, в Германии — единой денежной единицей и бюджетной политикой Г. Коля доказывает, что европейский денежный проект изжил себя и необходимо искать другой проект, для более широкой Европы. Европейские граждане удовлетворены уровнем достигнутой экономической интеграции, однако ЕВС — это ошибочный европейский приоритет. Воссоединение стран Центральной и Восточной Европы с Европой должно стать

ближайшей задачей, как это было в случае с воссоединением Германии. Абсолютным приоритетом должно стать расширение на Восток, так как после десятилетий поражения страны Центральной и Восточной Европы просят у Европы безопасности и помощи в экономическом развитии, и Союз должен ответить так, как ответила Европа в послевоенные годы: превратить Европу из континента раздора и конфликтов в единую, сотрудничающую, стабильную, мирную и процветающую для всех. Необходимо воссоздать новые Европейские сообщества, новый План Маршалла, чтобы гарантировать стабильность и экономическое развитие единой Европы. Как сказал венгерский экономист Ласло Шаба, "мы не должны ждать, чтобы сделать совместимыми углубление и расширение, нужно покончить с замалчиванием общественного мнения Франции, Великобритании, Дании и Германии во время ратификации процесса углубления, нужно стремиться к настоящему политическому европейскому союзу, отдать предпочтение расширению ЕС перед углублением сотрудничества государств — членом Вышеградской четверки".

Европа должна перестать смотреть вовнутрь себя, она должна оглянуться вокруг, а точнее — на Восток, ускорить интеграцию. Восточное расширение ЕС, конечно, нельзя отделить от существенных изменений в ЕАП, в структурной политике, в социальном и экономическом единстве, в системе финансирования европейского бюджета, в защите основных прав и прав меньшинств, в изменении институтов и политических структур. Восточное расширение не должно угрожать способности принятия эффективных решений сотрудничеством из более чем 20 членом. Но попытки отложить и отсрочить расширение в пользу реорганизации институтов приведут к серьезному риску, конфликтам и нестабильности в зоне. Нерасширение в экономическом плане приведет к потере возможности экономико-торгового увеличения, экологического оздоровления и к напряженности в сфере миграции.

Предположительно несовместимая дилемма "расширение — интеграция" стала причиной бесплодных

и развращающих дебатов. На первый взгляд, это представляется терминологической дискуссией, однако она таит в себе мотивы, идущие гораздо дальше общей аргументации: национальные интересы для продвижения к проекту конкретной интеграции. Невозможно согласиться с тем, что экономическая логика будет европейской движущей силой, в которой ЕВС станет конечным результатом процесса. Очевидно то, что процесс возвращения стран Центральной и Восточной Европы в Европу из-за создания более интегрированной и глубокой Европы, из-за расходов, из-за процесса демократизации посткоммунистических режимов является более сложным, чем думали ранее. Это сопротивление Западной Европы объединению со странами Центральной и Восточной Европы можно сравнить с желанием поместить амортизационную подушку между ЕС и нестабильным Востоком.

ЕС не может закрыться в себе, довольствуясь своим благополучием, богатством, наслаждаясь своей историей и безопасностью, так как это приведет к смерти, к упадку, к отказу возглавить возможный прогресс в истории человечества. Необходимо создание большой Европы, которая не будет бояться размещения ни серьезных стратегических центров, ни северных позиций, ни южных, где страны Южного Средиземноморья не будут опасаться, что с присоединением стран Центральной и Восточной Европы центр европейской тяжести переместится на Восток, сделав их удаленными от центра, что ключевые позиции прочно займет Германия. Амбициозная Европа не может больше быть закрытой для народов, она должна идти по пути углубления интеграционных процессов. Покинуть наших восточных братьев после их освобождения в 1989 г. — опасно и аморально, так как может привести их к фашизму, некоммунизму, национализму и т. д., которые воспользуются противоречиями, территориальными притязаниями, отказом от старых политических систем и недовольством нищетою. Мы стоим перед ситуацией, благоприятной для появления демагогов, готовых превратиться в диктаторов.

SUMMARY

"Central and Eastern European Countries and the Problems of the European Union Enlargement" (Carlos de Cueto Nogueras)

Following the fall of the Berlin Wall, and while the Central and Eastern European countries suffered the transitional shock therapy and awaited admittance to the European economic club as a way of relieving the pain of transition, the EU and its Member States became profoundly introspective and absorbed in deep introspection questioning, the project of integration itself and displacing the Community interest priorities for those of the national interests. If in Central and Eastern Europe the economic and social crisis, which followed this process of transformation, has caused a return to national identification, nationalist aggression, claims to absolute sovereignty of the nation-State and the all-consuming ethnic-nationalism, in Western Europe the multidimensional crisis within the European integration project through the concept of Political Union against a background of economic recession and unemployment, has resulted in the Treaties of Maastricht and Amsterdam. Europe, following the initial euphoria over the fall of communism, is much too interested, preoccupied, and self-centered on its own objectives and internal problems to pay sufficient attention to the Central and Eastern European countries, and thus it is endangering political, economic and social stability within these societies and the emerging regional markets they represent.

Thus, this delaying and obstructionist strategy in the face of the challenge of the EU enlargement has been carried out through different means. The first of them is by an obsessive tendency to overestimate the cost and danger of the Eastern expansion of the EU, with studies and analysis of costs and benefits which leave clear the animosity to the enlargement proposal and the fear of economic and trade competition from the former Eastern block for European industry and employment. The pressure exerted by German unification and the world recession in the beginning of the nineties seem to have obscured the benefits of the single market and to have shot the protectionists to the heart of the Union. The greater access for third countries to the market of the EU with the new transparency and the community unified legal

system is being exchanged for a Fortress Europe mentality exemplified by the Common Agriculture Policy, by its massive anti-dumping regulations and miserly spirit and intrusiveness of Europe in the analysis of the contents, conditions and results of all the trade agreements with the Eastern candidate countries to date, despite the approval of the liberalizing trade legislation in the GATT Uruguay Round.

The second strategy is the numerous list of conditions imposed by the EU in order to accept their applications to be admitted to the select club of the Union. At the European Council of Copenhagen of 1993, the EU warned that the associated countries of Central and Eastern Europe, which wished to enter the EU, would do it when they were capable of assuming the obligations of membership, satisfying the required political and economic conditions and rejecting the establishment of any schedule to avoid the Commission or the Council.

The third strategy, equally dangerous, has been to opt for an individual approximation of carrying out future enlargements of the Union, which provoked the CEEC to enter upon a dizzy race to harmonize their legislations with the Community set and thus to adopt the voluminous new European legislative corpus so as to arrive first to the admission line. This strategy has encouraged a paralysis and stagnation of the efforts to promote successfully the Central European regional economic co-operation bloc and a deterioration in the bilateral relationships among them. This lack of co-operation among the lawyers has turned out in negative total for all of them, having substantially reduced their pressure capacity on Western European economic, political and financial strategic centres over the last years.

And the fourth strategy, and more important in this respect, followed by the EU to block and delay this European enlargement has been the fact, that the Union has opted for an overloaded agenda for work in the following years, so as to endanger, given the conditions set, the project of enlargement to the East. The single European currency, the negotiations for budgetary proposals for the seven-year European budget 1999—2006, the reform of the great common policies such as the CAP, the cohesion funds, the structural funds, the institutional reforms required to face the problems of the existing balance and democratic legitimacy, can all lead to the failure of the enlargement, its delay or postponement given the overload of obligations, all requiring a consensus on the model of European integration to be used, and which does not exist at present, leaving this expansion a mere public gesture of little impact. Although it is important to eliminate the illegitimizing undemocratic heritage of the European institutional framework, but since the volume of transfer of national sovereignties towards the Community's institutions seems to strengthen the quasi-federal dimension of the Union, there are attempts to use the institutional reformist process as a means to delay and impede the speed of the eastern expansion of the European Union, which could endanger not only the democratic consolidation of the Central and Eastern European societies, but also the security and stability of the continent, and, what it is more worrying, put in danger the unity of the European integrationist project, as countries, such as Germany, Austria, Denmark, or Finland, would lose their interest for the current European building in favour of a greater bilateralism in their relationships with these Eastern neighbours, acting as free riders.

This European introspection has been moulded very clearly in the successive European summits centered on the same internal questions repeated again and again, without any conclusive results, showing an egotistical vision of Europe, the irremediable decadence of the European construction steeped in an atmosphere of indecision and in a mire that surrounds the decision-taking process, where the question of the enlargement is avoided for fear of the economic and political sacrifices, the fear produced by the proliferation of heterogeneous national visions of Europe, built on differing interests and priorities — an Europe unmanageable from a political standpoint.